

Кущевский Иван Афанасьевич

**Маленькие рассказы.
Очерки, картинки и легкие
наброски**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Афанасьевич К.**
Маленькие рассказы. Очерки, картинки и легкие наброски / Кушевский Иван
Афанасьевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 437 с.

ISBN 978-5-519-92069-8

ISBN 978-5-519-92069-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МАЛЕНЬКІЕ РАЗСКАЗЫ

ОЧЕРКИ, КАРТИНКИ И ЛЕГКІЕ НАБРОСКИ

И. Куцеевскаго.

Издание книгопродавца А. О. Бабунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Смартина, на углу Фонарнаго переулка, домъ Франка.

1875.

ПИСАТЕЛЬ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ случилось завѣдывать редакціей одной ежедневной газеты. Съ первыхъ-же дней, несмотря на множество работы, я замѣтилъ сѣденькаго, бѣднаго старичка, который почти ежедневно навѣдывался въ редакцію. Онъ скромно жался у дверей и долго ждалъ, пока на него обращалъ кто-нибудь вниманіе. Потертое старенькое пальто сидѣло на немъ какъ-то мѣшковато; узенькія брюки, съ заплатами на колѣнкахъ были очень коротки ему, а сапоги, напротивъ, несоразмѣрно велики, длинны и неуклюжи. Не знаю—стыдился-ли онъ своего костюма, или по другой какой причинѣ, но глаза его смотрѣли всегда съ какой-то стыдливой мольбой о прощеніи. Молчаливый, вроткій и застѣнчивый, старичекъ этотъ сразу возбуждалъ какое-то больное чувство жалости. Сѣденькая голова съ маленькими блестящими глазками, согнувшаяся спина его, вся его худенькая, сухая фигура такъ и представляются теперь моему воображенію.

— Здравствуйте-съ, подобострастно раскланялся онъ со мной однажды, когда я проходилъ мимо него.

— Что вамъ угодно?

— А вотъ, вотъ-съ, торопливо заговорилъ старичекъ, роясь въ пазухѣ своего пальто.—Вотъ-съ, двѣ статейки... Не прочли еще тѣхъ? спросилъ онъ, какъ-то жалобно и просительно глядя на меня своими маленькими глазками.

— Нѣтъ еще. А какъ ваши статьи называются?

— «Деревенская жизнь» — одна статейка. Есть еще о Волгѣ... потомъ стихи еще...

— Завтра или послѣ завтра я посмотрю ихъ.

— Прощайте-съ! старичекъ низко-пренизко поклонился мнѣ и быстро юркнулъ въ дверь.

Я тотчасъ-же отыскалъ его статьи и началъ разбирать ихъ. Это были грязные листки сѣрой бумаги, исписанные довольно мелко дурными, водянистыми чернилами, такъ, что трудно было разобрать что-нибудь. «Деревенская жизнь» начиналась описаніемъ какой-то идиллической мѣстности съ пастушками и овечками; авторъ вспоминалъ, какъ его мать варила звѣробой и хотѣла отправить его въ городъ, въ ученье; какъ онъ горевалъ и плакалъ; но его все-таки отправили на муку и страданія. Все это было написано совершенно безсвязно, безтолково и безграмотно. Я принялся за слѣдующія статьи, и, пробѣжавъ первыя строчки, рѣшилъ, что онѣ тоже не годятся къ

напечатанію. Для возвращенія бѣдному старику у меня собрался цѣлый ворохъ рукописей. Я зналъ, что невольно наношу ему довольно чувствительную непріятность; мнѣ было жаль его, и я рѣшился хоть сколько-нибудь облегчить ударъ.

— Сдѣлайте одолженіе, садитесь, сказалъ я старичку, когда онъ пришелъ за отвѣтомъ.

— Ничего-съ, ничего—я постою, скороговоркой отвѣтилъ онъ, кланаясь мнѣ въ поясъ.

— Видите, въ чемъ дѣло—у насъ теперь очень много матеріаловъ; не можете-ли вы обратиться въ другую газету или журналъ?

— Я ходилъ-съ ужь, да нигдѣ не принимаютъ... Старичекъ взглянулъ на меня, и мнѣ показалось, что въ глазахъ у него блестятъ слезы.

— Вотъ стихи... Мы вѣдь совершенно не печатаемъ стиховъ.

— А другія статейки?

Старичекъ взглянулъ на меня, какъ взглядываетъ подсудимый на старшину присяжныхъ, начинающаго читать вердиктъ.— Жизнь или смерть? спрашиваютъ такіе взгляды. Мнѣ стало жаль старика.

— «Жизнь въ деревнѣ», пожалуй, можно будетъ напечатать, сказалъ я.

— Можно! съ радостнымъ удивленіемъ воскликнулъ

старичекъ, и глаза его заблестали огнемъ невыразимой радости. — Когда-же она будетъ напечатана?

— Этого я не могу сказать; вѣроятно, еще не скоро: у насъ очень много принятыхъ статей.

— Да-съ, торопливо сказалъ старичокъ, и въ голосѣ его слышалась уже нота грусти. — А вотъ еще я хотѣлъ... Онъ началъ рыться за пазухой. Вотъ еще...

— Что такое?

— «Лѣсной медвѣдь», повѣсть. — «Весна», описаніе весны. — «Божья десница»...

Покуда я читалъ эти заголовки и разбиралъ листы сѣрой бумаги, старичекъ продолжалъ рыться за пазухой. Наконецъ, онъ торопливо вытащилъ довольно толстую книжку въ желтой оберткѣ.

— Вотъ-съ... извините... Позвольте,—въ подарочекъ... моего сочиненія, конфузясь проговорилъ онъ, подавая книжку.

Это была драма, подъ названіемъ: «Невиданное приключеніе», сочиненіе Андрея Сахарова, второе изданіе, исправленное и передѣланное.

— У меня и первое изданіе есть—если угодно, я тоже принесу, весело сказалъ старичекъ, когда я поблагодарилъ его за подарокъ.

— У меня ихъ много было... Теперь малость только осталась: всѣ почти распродалъ.

— Значитъ драма хорошо шла?

Старичекъ замялся.

— Ее такъ мало покупали... Признаться сказать, нуждался крѣпко — на бумагу какъ-то продалъ... стыдливо признался онъ.

Я перевернулъ нѣсколько страницъ. Драма была написана стихами.

— Вы сами ее издавали? спросилъ я.

— Да-а, со вздохомъ отвѣчалъ старичекъ.— На эту книгу все потратилъ: домикъ лишился; описали все, за долги продали... Дорого она мнѣ встала... Ну, да Богъ съ ней, это ничего... По крайности, она ужъ исправленная вышла... Вы извольте прочитать...

— Да, я непременно прочитаю, прочитаю.

— А вы не читали въ журналѣ, въ «Лебедѣ», тамъ разсказъ мой былъ напечатанъ: «Праздникъ Рождества Христова» называется... Тамъ былъ Петръ Сергѣичъ, редакторъ — отличный человекъ... заговорилъ старичекъ, видя, что я оказываю вниманіе къ его книгѣ. Маленькіе глазки загорѣлись у него какимъ-то дѣтскимъ блескомъ; даже на блѣдныхъ, морщинистыхъ щекахъ заигралъ легкій румянецъ. — Бранять меня, смѣются надо мной... Пускай ихъ, Господь съ ними, смѣются!.. есть и добрые люди на свѣтѣ.

Онъ, очевидно, намекалъ на меня и на редактора «Лебедя».

— Такъ будетъ моя статейка-то напечатана? спросилъ старичекъ на прощаньи.

Я опять пообѣщалъ ему, и онъ вышелъ вполне счастливый, довольный и дѣтски-радостный.

Послѣ этого онъ началъ ходить въ редакцію каждый день аккуратно, и началъ приносить съ собой цѣлыя пачки рукописей.

— А какъ статейка моя? спрашивалъ онъ.

— Пойдетъ, пойдетъ, утѣшалъ я его.

Старичекъ никогда не пропускалъ случая услужить какому-нибудь. Въ присутствіи его невозможно было послать кого-нибудь въ типографію.

— Ужь сдѣлайте милость — позвольте, я отнесу... позвольте! умолялъ онъ.

Въ типографіи онъ съ какой-то благовѣйной осторожностью ходилъ между реалами и по цѣлымъ часамъ засматривался на черныя гранки набора и внимательно прислушивался къ грохоту своропечатной машины. На лицѣ его въ это время выражалась сладостная сосредоточенность, на губахъ играла довольная улыбка. Наконецъ, онъ просто не выходилъ изъ типографіи. Сбѣгать за папиросами для метранжажа, за пивомъ для корректора — ему доставляло истинное удовольствіе. Но, если

печатникъ позволялъ ему иногда исполнять должность батырщика или накладчика, если ему случалось присосѣдиться къ вертельщикамъ и хоть минуту повертѣть колесо—онъ былъ счастливъ, какъ ребенокъ.

Однажды мой старичекъ, успѣвшій уже совсѣмъ ознакомиться съ редакціей и типографіей, пришелъ позднѣе обыкновеннаго, и сверхъ всякаго ожиданія не принесъ ни одной статьи. Сколько я замѣтилъ, онъ былъ сильно взволнованъ.

— Иванъ Николаичъ, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, вляная нѣсколько разъ чуть не до земли,—Иванъ Николаичъ, позвольте мнѣ просить... Извините меня...

— Полноте, полноте...

— Нѣтъ... видите, я теперь ничего не могу написать хорошаго... Совсѣмъ не имѣю покоя... Ходить каждый день тоже очень далеко: верстъ восемь будетъ. Я уголокъ нанимаю. Гдѣ тутъ напишешь! Только умостись какъ-нибудь, а тутъ глядь, идетъ кто-нибудь. Жильцовъ множество; человекъ восемь со мной въ одной кухнѣ живутъ... Гдѣ тутъ писать! Ночью, когда уснуть всѣ, только и можно... Вчера одинъ жилецъ, солдатъ, пьянъ напился.

Старичекъ отъ волненія остановился и перевелъ духъ.

— Я въ своемъ уголку сидѣлъ, никого не трогалъ... Отогнулъ тюфячекъ на кровати; самъ же на полѣно приснастился кое-какъ... огарочекъ свѣчки, да чернилицу

на кровать установилъ—и пишу, никого не трогаю.—А онъ кричитъ—зачѣмъ свѣчку сжешь, спать мѣшаешь!.. ругаетъ меня... Потомъ взялъ, да и загасилъ свѣчку. Я посидѣлъ, подождалъ;—думаю, уснулъ онъ — опять зажегъ. Онъ опять загасилъ ее—ничего не сдѣлаешь!.. Съ часъ я сидѣлъ, дожидался, повуда онъ заснетъ. Зажегъ опять,—а онъ и проснулся... Какъ подбѣжить ко мнѣ, да какъ дать... я просто опомниться не могъ... Едва къ утру уgomонился. Зажегъ я свѣчку, сталъ было писать, да ужъ нѣтъ — сердце такъ и бьется: ничего не могу сдѣлать... Иванъ Николаичъ, не откажите! Позвольте хоть въ кухнѣ у васъ какъ-нибудь пристроиться... Мнѣ ничего не нужно: уголокъ-бы былъ только; а ужъ тамъ заслужилъ-бы... Замѣсто разсылнаго меня нельзя-ли? — Днемъ, я цѣлый-бы день служилъ-бы вамъ — мнѣ жалованья не нужно—только-бы уголокъ, чтобы ночью можно было сдѣлать что-нибудь на спобоѣ...

Все это старикъ произнесъ съ разстановками, низко кланаясь, говорилъ онъ такимъ дрожащимъ голосомъ, какъ будто заглушалъ внутренніе стоны, проглатывая слезы.

Около моего кабинета была маленькая проходная комната; я предложилъ ее ему. Восторгъ бѣдняка былъ неописанъ.

— Заслужу я вамъ, заслужу, твердилъ онъ, со слезами на глазахъ.